

14. 11. 93

Они познакомились в Париже.
"Какой интересный еврей", — подумала она.

"Какая интересная француженка", — подумал он.

Это случилось, увы, во время ее свадебного путешествия — в мае 1910 года. Через несколько лет обратил внимание на Модильяни и Гумилев. "Пьяное чудовище", — сказал о нем жене Николай Степанович.

Эренбург был куда снискходительнее. Стихи, обращенные к Модильяни в 1915 году, он закончил аккордом сочувствия и печали:

*Великая тварь —
Ты вышел, заплакал и лег под фонарь.*

Впрочем, Ахматова не знала этого Модильяни. Ее Моди остался в "довоенном Париже". Он лишь немножко моложе, но он еще загадка для себя самого, и они увлечены друг другом... Иосиф Бродский безошибочно угадал, что Ахматова хотела бы услышать по поводу своих записок о Модильяни. "Ну, Анна Андреевна, — выпалил он... — Это — "Ромео и Джульетта" в исполнении особ царствующего дома".

В 1910 году они виделись очень мало, но всю зиму он писал ей, и в мае — июне 1911-го она снова в Париже.

В поздних стихах Ахматовой Париж одушевлен присутствием тайны:

*В синеватом Париже тумане,
И, наверно, опять Модильяни
Незаметно бродит за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить расстройство
И быть многих бедствий виной.*

В еще более поздних воспоминаниях этот мотив детализируется: "Модильяни любил ночами бродить по Парижу, и часто, засыпав его шаги в сонной тишине улицы, я подходила к окну и сквозь жалюзи следила за его тенью, медлившей под моими окнами". По обыкновению, Анна Андреевна интригует недосказанностью, а вдогонку признается Вяч. Вс. Иванову, что "о главном написать нельзя — как он стоял под окном ночью; "Смотрю в окно ночью — он снова там стоит".

За год до смерти Ахматова еще раз, полвека спустя, попала в Париж — с четверга до понедельника ей удалось здесь задержаться по дороге домой из Оксфорда, куда англичане вытащили ее, чтобы облачить в докторскую мантию. С радостью она согласилась покататься по городу и сразу заговорила о Модильяни. "Прежде всего Анне Андреевне хотелось побывать на rue Bonaparte, где она когда-то жила", — сообщает Георгий Адамович. — Дом оказался старый, вероятно, восемнадцатого столетия, каких в этом парижском квартале много. Стояли мы перед ним несколько минут. "Вот мое окно, во втором этаже... Сколько раз он тут у меня бывал", — тихо сказала Анна Андреевна, опять вспомнив Модильяни и будто силясь скрыть свое волнение".

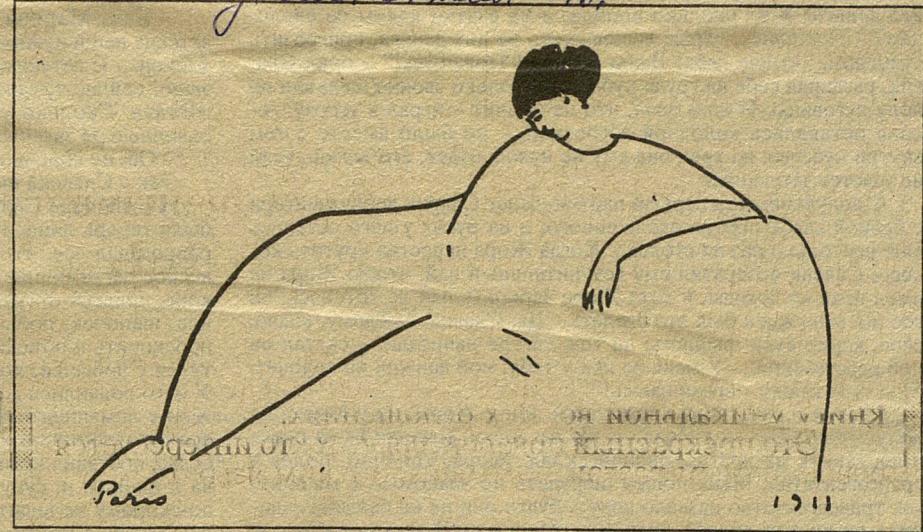
Кто же он: сбивающийся с шага прохожий, горемыка, обреченный простоять под окнами ночи напролет, или желанный гость, счастливый бранщик?

Георгий Адамович, знаяший мемуарный очерк Ахматовой о Модильяни, склонен был заподозрить ее в наигранности чувств. Но он не мог видеть тех рисунков, которые сегодня видим мы.

"Рисовал он меня не с натурой, а у себя дома, — уточняет Ахматова, — эти рисунки дарил мне. Их было шестнадцать. Он просил, чтобы я их окантовала и повесила в моей комнате. Они погибли в царскосельском доме в первые годы Революции. Уцелел тот, в

Модильяни рисует Ахматову

Лит. газ. — 1993. — 17 июн. — с. 6.

Единственный рисунок Модильяни, сохранившийся у Ахматовой

котором меньше, чем в остальных, предчувствуются его будущие "ню"... "Похоже, красноармейцы, расположившиеся в доме, раскуривали рисунки Модильяни с разбором. Не уцелел, впрочем, и сам дом. И я, заметила Анна Андреевна, "никогда не перестану благословлять судьбу за то, что не осталась в нем во время Революции".

Но вернемся в Париж 1911 года. "В это время, — вспоминает Ахматова, — Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверяя, что все остальное (tout le reste) недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц..." В этом же ряду и единственный сохранившийся у Ахматовой рисунок Модильяни: она изображена на нем в виде сфинкса. Возможно, под стать сфинксам, стоящим на берегу Невы в ее Петербурге. Отсюда и прозрение художника, увидевшего в юной Ахматовой, тонкой и гибкой, ее старческую грузность.

Перед последней заграничной поездкой (с упоминавшимся посещением Парижа) Ахматова решила перенянить заявление. Почти уже непосильное путешествие в нотариальную контору описал Анатолий Найман. Очень высокий третий этаж, крутая лестница... Когда наконец вышли на улицу, Анна Андреевна с тоской произнесла: "О каком наследстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моди и уйти".

И вот — сенсация. Парижская газета "Русская мысль" от 14 — 20 октября сообщила: "На выставке Модильяни в Вене-

ции обнаружены десять неизвестных рисунков, изображающих Анну Ахматову". Они оказались в коллекции, которую собрал в 1907 — 1914 годах парижский врач Поль Александр. Открытие принадлежит генуэзскому слависту Августе Докукиной-Бобель. Она родилась и выросла в Москве, окончила здесь филологический факультет университета, но уже давно живет в Генуе, преподает русскую литературу. В Венецию поехала специально, догадываясь, что в рабочих альбомах художника могут отыскаться какие-то следы его знакомства с Анной Ахматовой. Надежды оправдались с лихвой. И мы впервые видим рисунки Модильяни из "ахматовской" серии, в которых действительно "предчувствуются его будущие "ню"".

Модильяни писал Ахматовой из Парижа: "Я беру вашу голову в свои руки и окутываю вас любовью". Это перевод. Разумеется, он писал по-французски. Но то же самое (и гораздо убедительнее) ему удавалось выразить на языке, который не требует перевода.

Модильяни прожил те же тридцать пять, что и Гумилев (только умер своей смертью), и на пять лет меньше Кафки. Но именно о Кафке и Модильяни Ахматова скажет: "Они умерли такими молодыми и успели выговориться".

В. РАДЗИШЕВСКИЙ

Два рисунка с венецианской выставки Модильяни.

